

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Платоновой Натальи Вячеславовны на тему: «Материально-правовое значение процессуального поведения лица, участвующего в деле», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Представленная на защиту диссертация представляет собой в полной мере научный труд. Предпринятое Натальей Вячеславовной исследование стало, с одной стороны, органичным продолжением лучших традиций петербургской процессуальной школы, с другой – значительно обогатило наши представления не только собственно о науке гражданского процесса, о пределах и природе гражданского судопроизводства, но о том, каким должно и может быть сегодня настоящее диссертационное исследование. Выстраивая работу на прочных доктринальных основах, автору вместе с тем удалось практически «с нуля» выстроить новую научно обоснованную концепцию материально-правовых эффектов процессуальных действий, которая, с одной стороны, не противоречит известным началам гражданского процесса и гражданского права, а с другой – позволяет с совершенно новых методологических высот взглянуть на извечные для юридической науки проблемы соотношения процессуального и материально-правового, и предложить выводы, одинаково ценные и обоснованные для обеих сфер регулирования.

Если можно себе помыслить крупное научное открытие в общественных науках, то оно, несомненно, перед нами. Причем открытие, которое со всей очевидностью способно повлиять на современное законодательство и правоприменительную практику, на восприятие многих институтов и правовых явлений не только собственно в гражданском процессе, но и смежных сферах, которые находятся на стыке процессуального и материального права: в банкротстве, исполнительном производстве, третейском разбирательстве, залоговых отношениях, регулировании торгов, и т.д. Одних только сформулированных диссертантом вопросов и гипотез, по нашему скромному мнению, хватило бы на кандидатскую степень, ни говоря уже про данные на них ответы. Среди таких вопросов можно отметить вопрос о том, «переживает» ли признание факта процесс, в котором оно сделано, имеет ли оно какой-либо правовой эффект в отсутствие решения суда по спору, и возможно ли сослаться на состоявшееся признание в последующих процессах (стр. 35); почему судебному признанию оказывается столь высокое, по сравнению с другими доказательствами,

доверие (стр. 38); о возможности процессуальному действию выступить основанием деликтного обязательства (стр. 43); о возможности в результате процессуального действия изменения стоимости защищаемого субъективного права (стр. 46); о правовой природе гражданско-правовой обязанности принять участие в процессе (стр. 70); о пригодности процессуальной формы для совершения гражданско-правовых сделок в суде (стр. 106); о возможности причинения вреда подачей иска (стр. 166), о рисковом характере ответственности за вред, причинённый процессуальным поведением (стр. 191), и многие другие.

Тяжело спорить с положениями на защиту, которые изложены лаконично, системно, ясно, являются квинтэссенцией выводов в работе. Ключевыми из них, по нашему мнению, стали четвертое и седьмое. Действительно, процессуальное действие способно оказать влияние на выступающее предметом спора материальное правоотношение, и данный тезис не опровергают представления о процессе как познавательной деятельности, а равно и идея, что цель процесса – это установление существующих в действительности гражданских прав. При этом отдельные последствия действий участников процесса обладают самостоятельными, присущими только им особенностями, являющимися следствием предписаний гражданского права.

Нельзя не согласиться и с тем, что содержание гражданско-правового обязательства может составлять обязанность совершить процессуальное действие. Высокую теоретическую значимость труда демонстрирует и вывод о том, что, понимая процессуальную деятельность как средство познания спорных прав и отношений, которое не способно что-либо изменить в познаваемом объекте, невозможно найти объяснение объективно существующему влиянию действий участников процесса на материально-правовую сферу. В этой связи нужно критически оценить те взгляды, которые предполагают побочную, обслуживающую роль цивилистического процесса (стр. 56). Отметим, что, как в лучших классических научных трудах, гипотезы и фундаментальные выводы у Натальи Вячеславовны сопровождаются живыми примерами из практики.

Заслуживают внимания и поддержки положения в работе, в том числе, касающиеся материального эффекта процессуального поведения ненадлежащего ответчика, процессуального действия как сделки, пределов ответственности за злонамеренное предъявление иска, правовой природы ответственности продавца за эвизицию, довод о недопустимости отождествлять цель процесса и цели участников процесса.

Вместе с тем в порядке научной дискуссии позволим себе несколько комментариев и вопросов к работе.

1. На стр. 45 отмечено, что в рамках относительной связи кредитора с должником не находит применения свойство требования как объекта гражданских прав: его самостоятельная рыночная ценность, способность служить средством удовлетворения потребностей кредитора. Указанные свойства находят своё воплощение в абсолютной правовой связи – связи кредитора как обладателя права требования и всех третьих лиц.

В этой связи, по мнению автора, можно было бы признать (а такие идеи появлялись) исполнительный лист абстрактной ценной бумагой? Влияет ли «обрамление» требования в форму исполнительного листа на содержание, действительную рыночную (а не номинальную – указанную в решении суда) стоимость самого субъективного права взыскателя? Как известно, предметом взыскания в исполнительном производстве является, в том числе имущественное право должника, подтвержденное другим исполнительным листом, в котором он указан взыскателем¹. Такая задолженность реализуется на торгах, по результатам которых она может быть оценена в сумму, значительно меньше той, которая указана в самом листе. В итоге получится, что первоначальный кредитор (он же – должник в исполнительном производстве, в котором проводятся торги), в результате процессуальных действий лишится своего требования, подтвержденного судом, за встречное предоставление (которое поступит в предмет взыскания по его долгам), меньше номинальной, установленной судом стоимости первоначального обязательства, в котором он был кредитором (взыскателем). Как диссертант оценивает эту ситуацию? И, как полагает соискатель, требование о прекращении принудительного исполнения в случае фактического погашения долга (помимо депозитного счета службы приставов), должно осуществляться посредством иска к взыскателю (как предполагает Даниил Борисович Володарский)², или признаваться самим приставом одним из случаев фактического исполнения?

2. На стр. 60 приводится подход, именуемый «теория цессии», который связывает основание удовлетворения требований покупателя при эвикции с передачей имущества по договору купли-продажи. Продавец обязуется передать вещь, однако, если передача товара не удовлетворила интересы покупателя в связи с его изъятием, предметом купли-продажи называется право требования стоимости товара.

Полагает ли автор, что изменение способа и порядка исполнения вступившего в законную силу судебного решения (ст. 324 АПК РФ, ст. 434 ГПК РФ) в связи с затруднительностью исполнения (например, замена передачи в

---

¹ п. 2 ч. 1 ст. 75 Федерального закона «Об исполнительном производстве».

² См.: Володарский Д. Б. К вопросу о механизме защиты должника от неосновательного действия судебного акта // Вестник ВАС РФ. 2013. № 6. С. 110, 116—117.

натуре промышленного оборудования, которое невозможно демонтировать, на взыскание его стоимости³) есть частный случай изменения процессуальным действием (заявлением взыскателя или самого судебного пристава) изначального материально-правового отношения?

3. Неподдельный интерес вызывают рассуждения автора о наличии материально-правовой обязанности совершить или воздержаться от совершения процессуального действия, в том числе подачи иска. Но в российской судебной практике все еще сильна позиция, что договором не может ограничиваться право на подачу иска или предъявление исполнительного листа⁴, то есть договорное положение не может выступать отрицательной предпосылкой для допустимости процессуального действия с точки зрения суда.

Как мы поняли, автор с этим не спорит, но допускает возможность взыскания в дальнейшем договорных убытков с лица, совершившего процессуальное действие вопреки договору (стр. 193). Такую позицию, в частности, можно обнаружить и в практике МКАС при ТПП РФ⁵. Казалось бы, вот оно – Соломоново решение, разделяющее материально-правовые и процессуальные последствия договорного отказа от процесса. Но не считает ли автор, что в данном случае правы те ученые (в том числе Андрей Анатольевич Павлов), которые отмечают, что рассмотрение судом иска, который истец обязался не подавать, и встречного иска о взыскании убытков за нарушение такого негативного обязательства, выглядит нелепо⁶? Не подрываются ли цели правосудия последующим возвратом в качестве убытков ответчику истцом всего ранее взысканного судом? Не будет ли возможность иска об «обратном взыскании» (не только основной суммы, но и процентов, неустоек и судебных издержек) *a priori* давлением на первоначального истца⁷? Применяется ли здесь такой же подход, как предложен автором в отношении проблемы сдерживающего эффекта, связанного с необходимостью отвечать за причинение вреда необоснованным иском (стр. 179)?

4. При обосновании базовых выводов автор расширяет материально-правовое понятие генерального деликта, выводя из него обязанность возмещения вреда, причиненного в процессе, в том числе со ссылкой на английскую практику (стр. 55). В этой связи вопрос. В случае удовлетворения требования взыскателя об убытках с государства за процессуальное бездействие пристава, должна ли

³ См., напр.: постановление Президиума ВАС РФ от 05.04.2011 № 17268/08.

⁴ См., напр.: Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 07.05.2014 № Ф09-2364/14 по делу № А71-9314/2013.

⁵ Решение Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации от 1 августа 2017 года № 244/2016.

⁶ Комментарий к ст. 415 ГК РФ // Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307 - 328 и 407 - 419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.О. Батищев, А.А. Громов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2022 (авторы комментария – А.Г. Карапетов и А.А. Павлов).

⁷ См. подробнее: Гальперин М. Л. Обязательство не судиться в международном и национальном праве // Журнал ВШЭ по международному праву. 2024. Т. 2. № 2. С. 43–58.

присужденная в качестве убытков сумма уменьшать причитающееся взыскателю в самом исполнительном производстве? Получает ли государство в данном случае возможность регрессного требования к должнику о взыскании неосновательного обогащения (п. 7 постановления Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 27 «О некоторых вопросах применения законодательства об исполнительном производстве»)?

5. На стр. 177 автор указывает на необходимость различать факты, составляющие условие удовлетворения иска, и факты, являющиеся разумной причиной предъявления иска. Последние, по замыслу диссертанта, могут составлять малую долю первых и даже вообще не пересекаться.

Приведенное утверждение, хоть и находится в логике изложения, как общий посыл представляется спорным, а такое разделение искусственным. Как показывает практика, даже в процессах с отдельной стадией предварительного установления обоснованности требования (как в международных судах и арбитражах или коллегиях нашего Верховного суда), далеко не всегда получается реально (а не на бумаге) разделить собственно предварительную оценку допустимости иска и его разрешение по существу. Такое разделение противоречит сути человеческого (судейского) познания: в сознании судьи должна возникнуть «китайская стена» между восприятием двух видов фактов одного и того же дела: сначала как *prima facie* или на основании другого «облегченного» формата, а потом уже «по-настоящему». Подтверждением нашего довода будет статистика, например, Верховного суда. В каком проценте случаев передача судьей дела на рассмотрение коллегии завершается удовлетворением кассационной жалобы, хотя бы в части? Предположим, что почти всегда.

6. Заключительный вопрос носит более общий характер (вопросов для интересной дискуссии в связи с работой намного больше, но мы в письменном отзыве не без труда ограничились шестью). Не считает ли автор, что в целом описанные в работе проблемы соотношения процессуального и материального, дискуссионности самого посыла о процессуальном действии как юридическом факте материального права, есть ситуация ненормальная, является проявлением дефектности форм защиты и реализации права, рассогласованности правовой системы? Может, воздействие процесса на материальное право (помимо решения суда) – это на самом деле девиация, порок самой системы, в крайнем случае – ее побочный эффект, а не органичное свойство?

В завершении (и в развитие заключительного вопроса) отметим уже в качестве комментария, что на стр. 171 автор признается, что не может найти ответ на вопрос, в чем заключается ценность сохранения строгого отраслевого разделения материального и процессуального права, если оно не допускает признания права на возмещение вреда, причинённого предъявлением иска?

Действительно, ответ на этот вопрос невозможно найти, если исходить из безграничного и безусловного характера возможности судебной защиты любого имущественного интереса. В этом смысле автор «возводит на пьедестал» деклараторную теорию (отчасти противореча самой себе, когда в начале работы критикует идею о «побочном» значении процесса). Но, если себе представить, что процессуальная форма защищает не все экономические интересы, и некоторые потери не могут быть возмещены чисто по публично-правовым, даже конституционным соображениям? Если следовать логике о распространении правила генерального деликта на все процессуальные отношения, то следовало бы признать необоснованным существующий почти во всех правовых системах (включая российскую и английскую) запрет переложения на проигравшую сторону всех судебных расходов (а не только разумных), включая гонорар успеха адвокатов выигравшей стороны. Такой запрет вызван исключительно публично-правовым соображениями, несмотря на то, что он прямо противоречит тем материально-правовым последствиям, которые вызвали процессуальные действия стороны, по чьей вине возникли экономические потери. Такие потери нельзя взыскать не только в самом процессе, в котором они возникли, но и отдельным иском. Причины такого универсального подхода в очередной раз были недавно подробно изложены в постановлении ЕСПЧ по делу *Associated Newspapers Limited v. the United Kingdom* (Application no. 37398/21).

По чисто публично-правовым соображениям закон зачастую не только лишает, но и прямо придает материально-правовой эффект процессуальным действиям, в том числе игнорируя принцип свободного распоряжения правом (например, разрешая приставу производить зачет встречных однородных требований в исполнительном производстве помимо воли сторон)⁸.

Приведенные вопросы и комментарии не влияют на общую, весьма высокую оценку представленной работы. Диссертация отличается актуальностью, новизной и обоснованностью основных выводов и предложений автора и вносит большой вклад в развитие науки права.

С учетом всего вышесказанного полагаю:

Содержание диссертации Платоновой Натальи Вячеславовны на тему: «Материально-правовое значение процессуального поведения лица, участвующего в деле», представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук, соответствует научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки. Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложены новые научно

---

⁸ Ст. 88.1 Федерального закона «Об исполнительном производстве».

обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны.

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук соискателем ученой степени мною не установлено.

Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ.

Член диссертационного совета

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
Гальперин Михаил Львович

Подпись

Дата

13/12/2024